

Надежда Петренко

**ЧЕРНОБЫЛЬ,
ЛЮБОВЬ МОЯ**

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П30

Серийное оформление и оформление обложки
Татьяны Гамзиной-Бахтий

Текст публикуется в авторской редакции

Петренко Н.

П30 Чернобыль, любовь моя : роман / Надежда Петренко. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. — 352 с. — (Иностранка. Роман с историей).

ISBN 978-5-389-32108-3

СССР, 1987 год. Жизнь и карьера двадцатидвухлетней столичной журналистки Надежды Петренко сложилась бы вполне удачно, не встретить она Любовь — сорокалетнего инженера-физика, женатого и «морально неустойчивого». Владимир поехал в Чернобыль на ликвидацию последствий аварии, и Надя решила последовать за ним — несмотря на то, что при этом теряла все: работу, семью, друзей... Была ли это настоящая любовь — или самая большая ошибка в ее жизни?

В автобиографическом романе-воспоминании тесно переплелись два сюжета — хроника неистовой любви и история техногенной катастрофы. Но главное внимание в Зоне автор обращает на людей — тех, кто жил и работал в экстремальной ситуации. Живой и глубоко личный рассказ Надежды Петренко, основанный на ее дневниковых записях и журналистских заметках, наполнен множеством подробностей и бытовых деталей того непростого времени.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Н. П. Петренко, 2026

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-32108-3

Это художественное произведение, основанное на реальных исторических событиях.

Имена, образы и судьбы персонажей, даже если они отсылают к реально существовавшим людям, переосмыслены автором и подчинены законам художественного повествования. Описываемые события, диалоги, ситуации, а также оценки и характеристики персонажей отражают авторское видение и не претендуют на документальную точность или исчерпывающее изложение биографий конкретных лиц.

Произведение не является документальным исследованием и отражает авторскую субъективную интерпретацию реальных событий и судеб в целях художественного осмысления эпохи.

Пролог

19.07.1987

Володя уехал.

Я осталась в Москве, одна, а мой муж... мой отчаянно любимый «муж» уехал. Это было невыносимо.

Впрочем, ситуация была безвыходной. Я, разъездивший журналист, привыкший к командировкам, кажется, могла последовать за ним куда угодно. Только не туда. Не в Чернобыль. Это тоже было невыносимо.

Нервы были напряжены до предела. Все вокруг — тоже, все вибрировало, искажалось в каких-то чудовищных гримасах, и земля дрожала под ногами. Некоторое время назад окончательно стало ясно, что наши отношения — уже нечто большее, чем влюбленность, нечто огромное, серьезное, вечное... Необходимо было что-то делать, решать. Собрав компромат по радиационной экологии на дирекцию Института, Володька устроил скандал в своем НИИ: прочел доклад, не столько, впрочем, сенсационный, сколько ведущий к неприятным последствиям для него самого. В докладе предоставлялись доказательства того, что Володин «ящик» стал фактически атомной бомбой в центре Москвы, готовой из-за несоблюдения элементарных правил радиационной и экологической безопасности взорваться в любую минуту. Дирекция, естественно, отделалась легким испугом, ученый совет объявил все собранные данные бредом и провокацией, доклада больше никто никогда не увидел, а Во-

лоде ничего не оставалось, как объявить, к их явному облегчению, о решении уехать в Чернобыль и «хлопнуть дверью». Непрерывный скандал шел у него с законной женой. Я, в ужасе от его предстоящего переезда в Чернобыль, совсем забросила работу и уже имела бы неприятности, если б не догадалась с помощью коллег и даже главного редактора, очевидно спасавшего меня от неприятностей, перевестись с должности штатного корреспондента на договор.

Четыре дня назад, треклятого пятнадцатого числа, когда все было уже решено — то, что он едет работать в Чернобыль, а я, жена *фактическая*, его жду и даже, может быть, попробую иногда приезжать, потому что двадцать два дня вахты выдержать друг без друга будет, наверное, невозможно, — треклятого пятнадцатого числа он сидел у меня дома один и, как я считала, готовился к докладу. В то утро мы приехали с дачи, где в очередной раз нелегально ночевали, я помчалась на работу, а его отправила в мою с родителями квартиру, пока там никого не было, потому что после ухода от жены ему негде было жить, а мои родители, естественно, не хотели видеть со своей двадцатитрехлетней дочерью чужого мужа, да еще в своем доме. Часа в три он позвонил мне в редакцию:

— Надя, я уйду, встретимся вечером, я отдам ключи.

По голосу, одновременно страдальческому и злобному, я поняла: что-то случилось. С ужасом стала перебирать в уме варианты, отбрасывая только один, самый вероятный и самый для меня неприемлемый: Володя залез в мои бумаги — письма и дневники. Зная его подозрительность и болезненную ревность, усугубленную нашей разницей в возрасте (ему был со-

рок один), можно было бы предположить, что он не удержится от искушения... Но я все-таки не могла поверить, что мой честный, мой порядочный муж способен на такое.

Когда мы увиделись вечером, верными оказались мои худшие предположения: он нашел какие-то письма ко мне от моих бывших и, ослепленный ревностью, остаток дня накручивал себя. В результате посреди парка, в котором мы встретились, произошла ужасная сцена: мы оба кричали, обвиняли друг друга во всех мыслимых и немыслимых грехах, потом я попыталась было огреть его бутылкой малинового ликера, который мы между делом распивали, после чего мы разбежались, договорившись больше никогда не видеться.

Я не могла этого вынести. Жизнь без него теряла для меня всякий смысл. К тому же я не могла смириться: как, он отказывается от меня, когда я уже на столькие жертвы пошла для него, рассорилась с родителями, почти вылетела с работы и согласилась на поездки в Чернобыль?! Да еще довел меня до такого скотского состояния, что, несмотря на всю мою любовь и высокопарные представления о семейных отношениях, я начала драться!..

Дома я порылась в ящике с лекарствами, нашла упаковку с грифом «Список Б» — это меня удовлетворило: от списка Б быстро умру — и проглотила все таблетки залпом.

Потом, как все безответственные девушки-самоубийцы, смертельно испугалась и все рассказала родителям; приехала скорая, ими вызванная, пришла милиция, которую никто не звал, — у нас, оказывается, принято составлять протокол при суицидных

попытках; битый час промучив допросом, меня погрузили-таки в машину и повезли в больницу имени Склифосовского.

Склиф оставил у меня отрывочные впечатления. Серые обшарпанные стены; мальчик лет шестнадцати в грязной пижаме кричит в телефонную трубку — автомат на стене в коридоре: «Мама, мама, не волнуйся, я порезал вены...» — плачет, трясутся руки; тринадцатилетняя девчонка с распухшим от слез лицом, мутно-пьяным взглядом и разбитыми губами; красавица-докторша, самодовольная, чуть старше меня, с равнодушным голосом: «Надя, ну разве так можно, из-за какого-то мужика... Плюнула бы и пошла к другому. Надя, ну ты ведь больше не будешь?» — полутвердительно, банально до отвращения и, о, как кощунственно для меня, умирающей от любви; и врач-садист — дежурный в отделении острых токсических отравлений, который с помощью толстого здоровенного санитаря с таким видимым удовольствием привязывал меня к стулу, приговаривая: «Ну ладно, сейчас мы тебе покажем!» — в ответ на мое истерическое: «Для чего вы меня привезли? Чтобы вопросы задавать?! Тогда уж хоть желудок промойте!»

Из больницы меня ночью вернули, я оказалась «нормальна, вменяема», просто «психанула от любви» — с кем не бывает?

Утром приполз на коленях мой любимый. Я не могла не простить его. На следующий день, семнадцатого, мы купили обручальное кольцо, и мой названный муж надел его мне на соответствующий палец с шампанским и розами; родителям и друзьям мы сказали, что это — «помолвка»; и через день он уехал, а я, утирая слезы, на Киевском вокзале махала вслед поезду.

* * *

Межгород. Я хватаю трубку.

— Надюш, это я! Из Чернобыля. Здесь ребята — замечательные! И дело — настоящее, не то что в вашей Москве, одна болтовня...

— Где ты живешь, какие условия, что там вообще?! — оказывается, я кричу от волнения.

— Все нормально. Только без тебя очень плохо... Работаю в Припяти, живу в Чернобыле, в частном доме, за печкой... ха-ха... как сверчок. Здесь и начальник моего отдела живет, и еще один начальник лаборатории в Припяти... Зато телефон есть! Бесплатный!.. Знаешь, я не могу без тебя. Приезжай, а?..

Он не может без меня.

Лучше всего найти какой-нибудь корпункт центральной газеты в Чернобыле и попроситься туда работать. Обзваниваю знакомых журналистов. Журналисты, как известно, знают всех и вся, и я рассчитываю, что кто-нибудь поможет мне выяснить что-либо о пресс-службах в зоне аварии. В «Комсомолке», к счастью, натыкаюсь на моего хорошего знакомого, редактора отдела, спрашиваю, нет ли у него какой-нибудь информации. Милый Суня орет: «Конечно, есть! Что тебе надо? Заезжай!»

Когда Суня наконец узнает, зачем мне это надо, он на несколько секунд столбенеет. Потом крутит пальцем у виска: «Ты — в Чернобыль?! У тебя, наверное, крыша поехала!» В этот момент в отдел врываются двое моих приятелей из редакционной золотой молодежи. Надо сказать, что в «Комсомолке» меня любят, со времен студенческих практик называют воспитанницей отдела и, похоже, считают, что меня ждет блестящая карьера... Суня немедленно посвящает коллег

в тайну моего визита, и уже все трое взирают на меня в полном изумлении: что еще за странные перемены в жизни подающей надежды журналистки театра и кино, у которой в архиве к тому же полтора десятка интервью со знаменитостями? Что за поспешное замужество, почему вдруг за инженера, а не за человека нашего круга? И вдобавок ко всему — Чернобыль?!

Наконец, вздохнув, Суня сообщает мне необходимые сведения. Один его бывший коллега, опытный журналист, человек известный, впрочем, с разных сторон, сотрудник — последовательно — «Комсомолки», «Правды» и «Голоса Родины», Влад Троицкий работает сейчас в зоне аварии в какой-то хитрой организации, связанной с прессой. Точного названия организации здесь никто не знает. Суня дает мне его телефоны, предупреждает: «Скажи, что ты от меня». Я уже собираюсь уходить и ловлю на себе косые взгляды, выражающие некую смесь восхищения и сочувствия. Кажется, меня теперь здесь считают или сумасшедшей, или героиней?.. Мне ужасно неловко, и я прошу о моей поездке в Чернобыль больше никому не рассказывать.

* * *

Из дома звоню Троицкому:

— Я — Надя, «воспитанница отдела»... У вас не найдется работы для меня?

Разговариваем. Он отвечает важно и уклончиво, примерно так:

— В нашей фирме нет сейчас свободных мест... Все подходящие для журналиста должности пока заняты...

Не выдержав, я наконец спрашиваю, как же все-таки называется его «фирма» — очень осторожно спра-

шиваю, как бы уточняю, нельзя же показать свою неосведомленность... Он говорит: да все мы тут работаем в одной фирме... и т.д., а о названии — ни слова.

Но рекомендация моего друга Суни делает свое дело.

— Пожалуй, можно попробовать что-нибудь придумать. Приезжайте, поговорим. У вас есть возможность въехать в Зону?

— Да, мой муж закажет мне пропуск.

* * *

Вскоре после аварии в районе бедствия был очерчен неправильный круг с центром на Чернобыльской атомной электростанции (ЧАЭС) и радиусом примерно тридцать километров. Территорию обнесли колючей проволокой, на дорогах, ведущих внутрь нее, поставили контрольно-пропускные пункты (КПП). Все, что попало внутрь этого круга, называется теперь «зоной аварии», «30-километровой зоной отчуждения», «зоной особого режима» и просто «Зоной», для своих. Все мирное население из Зоны было эвакуировано — более ста тысяч человек, около ста десяти населенных пунктов, самыми большими из которых были 50-тысячный город Припять в четырех километрах от Чернобыльской атомной станции и 16-тысячный Чернобыль в тринадцати километрах от ЧАЭС. Об эвакуации такого огромного количества народа с гордостью заявляли советские политики, власти и деятели от атомной энергетики, кричала советская пресса: «Какая необыкновенная забота о людях!»

Позже выяснилось, что очерчивание круга было в некотором роде формальностью. В этой «гуманитарной» акции не учли незначительную деталь, ме-

лочь — распределение радиоактивных осадков. Поэтому в зону отчуждения попали некоторые вполне «чистые» по сравнению с окружающей территорией земли и не попали огромные площади с сильной степенью зараженности, на которых продолжали жить люди. Но на этот вопрос было наложено строжайшее вето, и, хотя спустя почти три года после аварии об этом наконец заговорили, люди живут там и по сей день.

Но этого я тогда, конечно, не знала и знать не могла.

Проникнуть в Зону было не так просто. Внутри царил строгий пропускной режим. Милиция на КПП проверяла документы и сумки. В 1987 году в Зоне имели хождение пропуска трех видов: разовый — на один день, временный — для командированных и постоянный, которым обладали люди, работавшие в организациях внутри круга. Одной из них была, конечно, сама Чернобыльская станция, вторая организация появилась через полгода после аварии, имела статус производственного объединения и называлась самым нелепым образом — «Комбинат». Это был то ли некий хитрый шифр, то ли чья-то странная выдумка (а скорее всего, и то и другое). «Комбинат» находился в ведении и непосредственном подчинении Министерства атомной энергетики СССР (которое, следует отметить, было специально создано после чернобыльской аварии путем выделения соответствующего отдела Министерства энергетики СССР — говорили, что Минэнерго решило сложить с себя ответственность за атом). Впоследствии в Зоне возникло еще несколько новых подразделений; они росли, как радиоактивные грибы, пытались обрести независимость, что, конеч-

но, давало множество преимуществ их руководству, ссорились друг с другом, отделялись, сливались, снова отделялись и воевали не на жизнь, а на смерть... Впрочем, об этом позже... В тот момент, когда в Зону собралась я, там безраздельно хозяйничала одна организация — «Комбинат», и только те люди, которые в ней работали, имели постоянные пропуска.

В то же время многие научные институты страны вели исследования и работы по ликвидации последствий аварии (ЛПА). Их сотрудники находились в Зоне в командировке, данные собирали самостоятельно и научные результаты в основном получали разные. Этим объясняется тот факт, что с конца 1987 года полная неразбериха царила, например, в сфере научных и объективных данных о степени радиоактивной зараженности территории. Со стороны было невозможно получить единую унифицированную информацию, и все данные нуждались в проверке...

Среди командированных организаций самой мощной была Комплексная экспедиция Института атомной энергии имени Курчатова (КЭ, «Курчатник») и так называемое УС-605, строительное управление великого и ужасного создателя советской атомной бомбы, засекреченного со всех сторон Министерства среднего машиностроения СССР. И еще, конечно, войска и милиция.

Итак, Минэнерго, Минатомэнерго, МВД, Минсредмаш, Министерство обороны, Госкомгидромет, разные другие правительственные и научные организации... И все это — на площади в три тысячи квадратных километров, окруженной колючей проволокой. Каждой твари по паре... Концентрация небывалая... Да еще высокие уровни радиации и стресс, ими вы-

званный. Все это привело к изменениям необыкновенным, «мутациям» интереснейшим! В Чернобыле, как в магическом кристалле, отразились достоинства, пороки и особенности Советского государства.

Мы наблюдали за экспериментами естественными, биологическими. Бог наблюдал за нами. С 1986 года в 30-километровой зоне чернобыльской аварии шел невиданный социальный эксперимент на выживание традиционной социалистической системы, советского общества.

* * *

Пропуск на улицах Чернобыля или Припяти милиция могла проверить в любой момент и при отсутствии оного выводить из Зоны под конвоем и с радостными обещаниями неприятностей в будущем. А чтобы получить пропуск, требовалось основание. Для постоянного — поступление на работу в Зону и соответствующая справка из отдела кадров, для временного, соответственно, — командировка на долгий срок; эти два вида пропусков оформлялись только внутри Зоны, в подразделениях МВД, в тех бюрократических дебрях, в которых мне еще предстояло плутать. Разовый пропуск выдавался в Киеве, в специально созданном штабе Минатомэнерго, и для него в 1987 году необходим был вызов от какой-нибудь организации, расположенной внутри Зоны, с именем приглашенного и основанием его въезда в зону аварии. Честно говоря, для меня до сих пор осталось загадкой, как в 1987–1989 годах проникали в Зону люди, желавшие устроиться на работу. Хорошо, мне муж может заказать пропуск от своей организации, отправить вызов в штаб Минатомэнерго; сам он в пер-

вый раз приехал сюда в командировку от своего НИИ; а если кто-то просто решил проявить личный героизм и принять участие в ликвидации последствий общей беды? Договориться о работе можно было только в Зоне, а въехать в Зону — только имея внутри работу... или друзей, знакомых, родственников, имеющих возможность заказать тебе пропуск. Очевидно, что уже к 1987 году 30-километровая зона стала зоной влияния своих людей.

А людей туда стремилось множество. Это может показаться невероятным, если не учитывать два обстоятельства. Первое, в то время секретное, — оплата работ внутри 30-километровой зоны производилась формально с двух-, трех- и пятикратным коэффициентом, что на практике означало не простое умножение оклада, а еще и многочисленные надбавки; к примеру, при окладе сто рублей с двойным коэффициентом человек получал около четырехсот, а при окладе двести — примерно тысячу рублей в месяц. На Большой земле заработать такие деньги честным путем было невозможно. Второе обстоятельство, не секретное, но поражающее воображение, — это уровень радиационной грамотности... а точнее, безграмотности советских людей. Огромное, подавляющее большинство обыкновенных людей, наслышанных о необыкновенных зарплатах — слухами земля полнится, — а потому стремящихся в Зону и готовых на любую работу, отдаленно и смутно представляло себе, «шо есть тая радиация», зато очень хорошо знало, что значат на Большой земле большие деньги. А также государственные льготы, приносимые участием в ликвидации последствий чернобыльской аварии, — к примеру, право внеочередного получения квартиры или машины.

И еще одно обстоятельство приводило людей в Зону. Уйти с работы и обосноваться в Чернобыле — это был также способ порвать со своим прошлым, если в нем что-то не устраивало. И не иметь при этом бесконечных объяснений с партийными комитетами, дирекциями и неприятных записей в трудовой книжке. Известно, что тогда на переходы с работы на работу смотрели с подозрением, сразу ставя на человеке клеймо неблагонадежности. К переходу на работу в Чернобыль на Большой земле относились с уважением, и это был способ выйти из затруднительной ситуации, отмыть запятнанную биографию... В Зоне имела хождение поговорка: «Чернобыль — как война, он все спишет».

Таким образом, в 1987 году 30-километровая зона представляла собой уникальный биоценоз, и не только с точки зрения флоры и фауны. Там собрались все образцы советского человека: невежественные хамы, обиженные пьяницы, бессовестные рвачи, циничные карьеристы, женщины в поиске... и, как редкие и прекрасные исключения, те, кто действительно хотел помочь согражданам и честно участвовать в ликвидации чернобыльской беды.

Но я-то ничего этого не знала! Я, как и многие на Большой земле, была искренне уверена, что работать в Чернобыль едут люди, не пожалевшие себя для блага общества! По наивности своей я полагала, что все здесь — герои. И я не стремилась в Зону за льготами, я и не знала о них... Но я не была ни героиней, ни сумасшедшей. Я просто была верной женой. И только потом, много времени спустя, пройдя шокирующую, унижительную «школу Зоны», поняла, насколько нетипичен мой случай.

Часть первая

ОИиМС

Глава 1

ПРОГУЛКА В ЧЕРНОБЫЛЬ

Я бы уехала раньше, если б не дедов день рождения. Дед, чью фамилию носит наша семья, старейшина советской геофизики, всегда был уважаем всеми настолько, что к его дню рождения мы откладывали командировки или старались вернуться из них. Но дожидаться официального обеда, назначенного на субботу, у меня сил не хватило, я еле дотерпела до 23-го. На Ярославском, у знакомой кассирши, как всегда, за пятерочку сверху, я купила билет Москва — Киев на завтра, 24 июля, и, счастливая, затряслась на пригородной электричке на дачу — поздравлять деда.

— Дедуль, ты извини, меня не будет, когда гости соберутся, я завтра в командировку уезжаю.

— Да? Жаль! И куда?

— Мм... В Киев.

Мои планы, переговоры, сборы — все было тайной. Впрочем, тайной это было, по-видимому, и от меня самой.

Но совсем ничего не сказать дома я все же не могла. Вернувшись тем же вечером с дачи, я, наконец, затеяла разговор. Очень осторожно и в самых парламентских выражениях.

— Видите ли, дорогие родители, я завтра уеду на несколько дней. Володьку проведать...

Что тут началась!.. Впрочем, нет, в тот первый раз реакция родителей была вполне терпимой. Они, потомственные физики (в этой семье только я не имела с физикой как с наукой ни малейших отношений), хорошо знали, что поездка в Чернобыль на несколько дней особой опасности для жизни не представляет при условии, естественно, соблюдения правил радиационной безопасности. Родители были уверены, что с этим в зоне аварии все в порядке, соответствующие службы работают безотказно — как же может быть иначе? Они попытались все-таки снабдить меня необходимыми инструкциями: при въезде в зону сразу переодеться в специальную защитную одежду; выяснить, где места с опасно повышенным радиационным фоном, и носить там респиратор и темные стеклянные очки — «Тебе все это там выдадут!»; дома, естественно, менять обувь, не открывать окон и два раза в день делать влажную уборку, чтобы ни в коем случае не проникла пыль снаружи; вытряхивать постель и, конечно, принимать душ каждый раз, когда приходишь с улицы, тем более что стоит жаркая и сухая погода...

Впрочем, все это навалилось на меня так внезапно, что я не в состоянии была слушать внимательно. Мама попыталась было всплакнуть... Конечно, в принципе родители все равно против. Но они вот уже несколько лет, как усвоили: возражать, отговаривать, запрещать мне что-либо, чего я хочу, — бесполезно.

* * *

Поезд фирменный, первый, Москва — Киев. В купе две девчонки моего возраста, официантки из гостиницы «Русь», и дядька деревенский. Все «гэкают» и «шокают». Дядька заводит разговор об аварии.

— Беда нам с этим Чернобылем! Там скоро и третий блок жажнет! Это точно, я знаю, шо говорю, я там живу рядом, под Иванковым... А я из-за него свою клубнику второй год продавать не могу, никто не покупает, радиация в ей, говорят... Что там за радиация — такая хорошая клубника уродилась, сладкая, мои внучата прямо объедаются!..

Я вдруг немею, инстинктивно молчу — почему-то у меня пропало желание рассказывать кому бы то ни было, куда я еду. А едем мы весело! Девчонки выпивают, заводят дорожные романы с солдатами из соседнего вагона, обнимаются в тамбуре. А я жду, умирая от нетерпения, жду встречи с мужем: мы не виделись уже пять дней, это — вечность.

Утром переезжаем Днепр. Я прилипаю к окну: красота какая! Длинный, с километр, мост перекинут через ярко-голубую прозрачную воду. Видны отмели, островки, лодки покачиваются неспешным течением... А над ними — крутой склон, утопающий в зелени, над которой плывут сияющие в свете утреннего солнца чистым золотом маковки, множество золотых куполов Киево-Печерской лавры. Правда, посредине этого великолепия нелепо торчит железный монстр — исполинская женщина с мечом и щитом, издали напоминающим пивную кружку... Но если не обращать внимания на это вопиющее произведение социалистического реализма, а сосредоточиться на гармонии природы, голубого, зеленого, золотого — вид открывается фантастический! Я сразу же влюбилась в этот пейзаж...

Володька на перроне, с огромным букетом гвоздик. Взгляд потерянный, ищущий. Видит меня, бросается навстречу. У него дрожат руки и губы, и глаза на мокром месте.

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркөм басылым

НАДЕЖДА ПАВЛОВНА ПЕТРЕНКО
ЧЕРНОБЫЛЬ, ЛЮБОВЬ МОЯ

Руководитель проекта Антонина Галль
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щеголев
Корректоры Антонина Филимонова, Ирина Львова

Подписано в печать / Баспаға кол койылды 13.02.2026.
Формат издания 84 × 108 1/2. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 18,48. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, к. іш. аум. Даниловский муниципалдык округі, Партийный т. ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург к., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

R-1HD-41398-01-R